

Они сидели на корнях дерева, каждый с тарелкой в руках. Лаосань смотрел на А-Да и заметил, что тот не выглядел расстроенным, хотя сам Лаосань был возмущён тем, как А-Да позволил себя отчитать.

А-Да спросил его:

— Ты не ешь? Ты несколько дней почти не ел, съешь хоть немного.

Лаосань поставил тарелку и взорвался:

— Ты ведь шеф-повар Мишлен, даже если ты не хочешь работать в ресторане, зачем терпеть такое отношение от таких людей?!

Его больше раздражало не снисходительное отношение учителя Чжуна, а то, как А-Да покорно принимал всё.

А-Да наконец понял, что Лаосань расстроен из-за этого, и улыбнулся:

— Эх, он прав. Неважно, кто я как повар, важно, кто ест мою еду.

Лаосань насмешливо сказал:

— Ты ради куска хлеба готов терпеть что угодно.

А-Да не придавал этому значения:

— Да, здесь другой работы нет. Если не готовить для них, где я найду деньги?

Лаосань даже не знал, что сказать. Он примерно прикинул, сколько можно заработать за такой тяжёлый труд, и не мог понять, на что А-Да тратит деньги, ведь он почти полностью обеспечивает себя сам.

А-Да, видя, что Лаосань замолчал, решил утешить его:

— Что бы он ни говорил, считай это пустым звуком. Он ведь не тот, кто ест, едят ученики. Ученики говорят, что невкусно, но посмотри, они едят с удовольствием.

С точки зрения Лаосаня, через открытые жалюзи было видно, как пятнадцатилетние подростки с аппетитом ели, и действительно не казалось, что они чем-то недовольны — но разве не так всегда с детьми этого возраста? Даже ветку они могут грызть, как будто она сладкая.

А-Да был доволен:

— Иногда они привередничают, но со временем поймут, что такое хорошая еда.

Лаосань усмехнулся:

— Хорошая еда?

А-Да уверенно подтвердил:

— Хорошая еда.

Он поднёс кусок рыбы ко рту Лаосаня.

Лаосань, вспомнив о внутренностях, совсем не хотел есть, но А-Да был настойчив, держа палочки у самого рта Лаосаня. Тому пришлось с неохотой откусить кусочек.

Рыба была плотной, во рту она распадалась на волокна, с лёгкой сладостью и приятной упругостью. Приправы были действительно минимальными, без чеснока и имбиря, поэтому лёгкий морской привкус рыбы не был полностью заглушен, и в конце можно было почувствовать лёгкую остроту крупного белого перца. После лёгкого жжения сладость рыбы становилась ещё ярче.

Лаосань пробовал множество изысканных рыбных блюд, и это простое блюдо не выделялось ни качеством ингредиентов, ни оригинальностью приготовления. Он мог только сказать, что это был просто вкус свежей рыбы...

Но почему-то этот вкус вдруг пробудил в нём сильный голод. Тело, не евшее нормально два дня, требовало пищи, и голод, как внезапный дождь, окутал его. Он взял стальную тарелку и начал быстро есть.

А-Да, видя, что Лаосань наконец ест, улыбнулся и переложил всю рыбу из своей тарелки к нему.

Лаосань отодвинул тарелку, с отвращением сказав:

— Не надо всё время кормить меня своими палочками, на них твоя слюна.

— Я не болен, не будь таким придирчивым.

Лаосань говорил так, но продолжал есть, не останавливаясь. Он не понимал, почему так голоден, но каждое блюдо казалось ему недостаточным. А-Да снова отдал ему всё мясо из своей тарелки.

— Не надо!

— Ешь.

— Не надо!

— Я тебя покормлю.

Лаосань действительно не знал, что делать с А-Да. За всю его жизнь ни один мужчина так не заботился о том, ест ли он. Он ворчал, но почти съел весь обед А-Да.

Они дождались, пока ученики закончат есть, убрали посуду и вместе поехали на трёхколёсном велосипеде обратно в лес. Проезжая мимо плантации, Лаосань с заднего сиденья спросил:

— Что здесь выращивают?

А-Да, повернувшись к ветру, ответил:

— Вонглей.

— Что?

А-Да повторил на кантонском:

— Вонглей.

Хотя Лаосань был из Гонконга, его кантонский был ужасен, и ему потребовалось время, чтобы понять это слово. А-Да спросил:

— А в Китае как называют?

— Ананас.

— Что?

Ветер на дороге заглушал слова.

Лаосань высунулся с заднего сиденья и крикнул в ухо А-Да:

— А—на—нас!

А-Да засмеялся. Лаосань спросил:

— Ты чего смеёшься?

— Ты щекоткой мне ухо задел.

Лаосань вернулся на своё место. Машина продолжала мчаться. Палящее солнце светило прямо в голову, и он почувствовал лёгкое головокружение, тело будто стало легче, будто парило вместе с ветром, задувавшим в футболку; веки, однако, были тяжелыми, не выдерживая тропической жары. Он прищурился, как кошка, и лениво погрузился в джунгли вместе с трёхколёсным велосипедом.

Когда они вернулись в хижину, Лаосань уже почти засыпал.

Он тяжело ступил в дом и крикнул:

— Ли Цзы, иди встречай гостя.

Ответа не последовало. Лаосань зашёл в комнату и увидел, что кровать пуста. Из окна он увидел, что под деревом рамбутана всё ещё шумно, местные жители продолжали пить чай и болтать, А-Да тоже сидел там, отдыхая, но Ли Шинаня нигде не было видно.

Лаосань знал, что Ли Шинань не пошёл бы один в огород, к водопаду или в курятник — он боялся Змеиного Босса, который мог появиться в любой момент.

Лаосань устало повалился на кровать. Ему даже не нужно было смотреть, чтобы понять, что BMW больше не стоит на асфальтированной площадке. Он уже был к этому готов, поэтому не удивился.

Не удивился, но всё же разозлился. Полежав немного, он сел и позвонил Ли Шинаню.

Неожиданно Ли Шинань сразу ответил, первым делом сказав:

— Сань, не ругайся сразу.

— Чёрт возьми!

— Эх, ругайся, я стерплю.

— Ты сволочь! Ушёл, так хоть сказал бы.

— Если бы сказал, не смог бы уйти. Ты бы начал уговаривать, а я бы точно не устоял.

— Иди к чёрту, я бы тебя не уговаривал.

— Да, я знаю, ты не кланяешься людям. — Ли Шинань прямо продал А-Да. — Вчера за выпивкой А-Да подсказал, что ты упрямый и несгибаемый, и посоветовал мне уйти первым. Когда я уйду, ты, наверное, тоже не выдержишь...

Лаосань разозлился, бросив через окно злобный взгляд на А-Да, который в нескольких десятках метров смеялся и болтал:

— Он сказал уйти, и ты ушёл? Не тяни сюда других, ты сам хотел уйти.

— Да, я давно хотел. Кто захочет каждый день чистить свиней и кормить кур? Мои родители работали десятилетиями, чтобы мне не пришлось заниматься такой тяжёлой работой в деревне. Если бы мой отец узнал, что я здесь, он бы меня отругал.

Лаосань замолчал. Ли Шинань продолжил:

— К тому же сегодня день рождения Корни, она ждёт меня в Шанхае. Если я не успею вернуться, покоя мне не видать.

Лаосань промолчал.

— Сань, прости...

— Хватит, — Лаосань помолчал, затем добавил:

— Передай Корни с днём рождения, пусть меньше ест, а то талия скоро сравняется с твоей грудью.

— Это я не посмею сказать, скажи ей сам. Сань, не мучайся, поехали вместе, я сейчас куплю тебе билет.

Лаосань глубоко вздохнул, чувствуя, как всё тело пропитывается кислотами. Раньше он почти не ел два дня, держась на силе воли, но почему-то, наевшись, он почувствовал себя полностью расслабленным, без сил. Он понимал, что его решимость рушится...

Ли Шинань ушёл, и теперь ему придётся в одиночку справляться с этими тяжёлыми условиями. А-Да был хорошим человеком, но они были слишком разными, и то, что он сегодня взял его с собой, вероятно, было лишь способом дать Ли Шинаню возможность сбежать — неужели А-Да так не хотел их оставлять?

Думая об этом, Лаосань действительно начал сдаваться...

Он похлопал себя по голове, пытаясь собраться. Нет! Всё только начинается, как он может так быстро сдаться?!

Он посмотрел на А-Да за окном и медленно произнёс:

— Я не уйду, не беспокойся, катись скорее обратно.

Ли Шинань тяжело вздохнул и повесил трубку.

Лаосань сидел в оцепенении некоторое время, затем откинулся на кровать. Невиданная усталость охватила его, и почти в ту же секунду он заснул.

Когда он снова открыл глаза, было уже совсем темно. Его сердце бешено колотилось, он попытался подняться, но почувствовал головокружение.

Глаза были сухими, при моргании он чувствовал, как они нагреваются, а выдыхаемый воздух был тёплым. Он потрогал лоб — он горел.

Лаосань вздохнул: неужели так не повезло?!

Он с трудом встал и медленно вышел из комнаты, как раз когда А-Да выносил еду и ставил её на стол.

<http://bllate.org/book/16329/1473827>